

Новые Известия - 1999 - Ольга Николаева, Александр Николаев, для «Новых Известий»
- 8 дек. - с. 7.

Приговоренный

— Александр Абрамович, вы следите за текущей литературой?

— В общем, да, но, чтобы вы сразу поняли, с кем имеете дело, должен признаться — читаю мало.

— Неинтересно или собственные творческие планы не оставляют времени?

— Я бы объединил все в одно: нужды нет. Я убежден, что это вполне естественно, когда человек с возрастом, кроме критиков-профессионалов, начинает меньше читать, реже ходить в театр, кино, слушать музыку, хотя она, по-моему, остается с ним дольше всего. Просто с годами уменьшается потребность в новых впечатлениях, так как уменьшаются возможности их освоения.

— Многие при вопросе о современном литературном процессе отмахиваются — мол, где он? На ваш взгляд, он существует?

— Разумеется.

— Тогда могли бы вы охарактеризовать те изменения, которые он претерпел?

— В советское время литературный процесс заключался, грубо говоря, в выполнении партийных установок теми, кто считался советскими писателями, и в невыполнении оных антисоветскими писателями. Этим он стимулировался внутренне, а внешне заключался в публикациях новых сочинений в «толстых» журналах, имевших строгую иерархию, в противоборстве между прогрессивной «городской» прозой и консервативной «деревенской», а также, безусловно, в публикациях в «тамиздате». В столь идеологизированном и таким образом материализованном виде он более не существует, и слава Богу. А вот процесс, заключающийся в том, что серьезные взрослые люди считают достойным занятием сочинение странных выдуманных историй, происходящих в несуществующем мире, не прекратится никогда, ибо такие люди были и есть во все времена. Однако формы, в которых выливаются плоды их творчества, могут меняться. У меня есть довольно сильное ощущение, что доля выдуманных историй, занесенных на бумагу или в Интернет, который, в сущности, ничем от бумаги не отличается, будет уменьшаться. Литературные истории будут придумываться не для прочтения, а для разыгрывания, для зрелища.

— А каковы основные русла и формы, в которых нынешний процесс протекает?

— Основное разделение, действующее сегодня, — по признаку количества потребителей, условно говоря, на литературу массовую и элитарную. Такое разделение существовало всегда, но только в свободном обществе. Оно было и в дореволюционной России. Мечты о том, что «не милорда глупого» понесет мужик с базара, чисто утопические. С базара никогда не будут носить Белинского и Гоголя и читать их не будут.

На Западе постоянно шел процесс освоения массовой культурой достижений, в основном формальных, культуры изысканной, изощренной. Тем самым массовая культура обретала высокое художественное качество. У нас ничего подобного не происходило, поэтому наша массовая культура находится сегодня на уровне США предвоенных лет. В то же время изощренная литература уходит вперед и, как обычно в России, стремительно, так что разрыв резко увеличивается. Тем более весьма отдалено, что в массовой литературе появился по-настоящему высококлассный мастер. Это Б.Акунин, опубликовавший несколько романов с одним героем — дореволюционным сыщиком. С одной стороны, это увлекательнейшее чтение,

Александр КАБАКОВ стал литературной знаменитостью после публикации в журнале «Искусство кино» в 1989 году «Невозвращенца», своеобразной повести-предсказания, в которой автор обнаружил удивительный дар предвидения событий, связанных с ходом перестройки, и психологического состояния вовлеченных в ее круговорот людей. Затем последовали «Бульварный роман», «Сочинитель», «Подход Кристаповича», «Похождения настоящего мужчины», «Последний герой», «Самозванец». Новая книжка Кабакова — «Приговоренный» увидела свет несколько дней назад. Кроме того, Кабаков был и остается профессиональным журналистом. Все приведенные в интервью оценочные суждения субъективны.

с другой — чувствуется, что автор обладает прекрасным знанием истории.

— Давайте поговорим об элитарной литературе...

— Речь идет о литературе, потребляемой в меньших количествах. В ней существует только одно весьма простое деление — на литературу, находящуюся в русле так называемого русского постмодернизма, на самом деле ничего общего не имеющего с тем, что принято подразумевать под этим термином во всем мире, и всю остальную литературу. Внутренняя мировоззренческая сущность у весьма разнородной компании постмодернистов достаточно одинакова, а вот способы использования определенных литературных приемов различны. В этом смысле Виктор Пелевин — это одно, а Владимир Сорокин — совершенно другое. Пелевин оперирует самыми простыми из них, явно забывая о расширении круга читателей, а Сорокин, наоборот, усложненными, и, видимо, тот узкий круг людей, который его читает, его вполне устраивает. У Пелевина есть целые клубы фанатов, его читают даже те, кто читает Дашкову или Маринину. Сорокина знает сугубо филологическая или достаточно изощренная в литературном потреблении публика. Эти писатели — крайние точки в отряде постмодернистов, рядом с ними трудно кого-либо поставить, кроме, пожалуй, Виктора Ерофеева. Остальные находятся где-то посередине.

— Похоже, особой симпатии к постмодернистам вы не испытываете?

— Да, мне гораздо интереснее и ближе писатели, находящиеся вне этого достаточно органи-

зованного подразделения и бредущие сами по себе — кто куда. Вот они по-настоящему очень разные, но какие-то важные точки соприкосновения во взглядах на реальный мир и в способах превращения его в выдумку у них есть. Скажем, мне в этом плане интересны москвич Асар Эппель и петербуржец Александр Мелихов. Обоих объединяет очень важная для них еврейская тематика, но откройте тексты, и вы увидите, что перед вами совершенно разные писатели. Или Сергей Каледин. Мы оба пишем о проблемах жизни горожан, мне понятны его художественные поиски, но мы абсолютно непохожи. Одно из важных направлений нестройно шагающей литературы — серьезная женская проза, в первую очередь могу назвать двух Людмил — Петрушевскую и Улицкую. К сожалению, от них с течением времени все дальше удаляется и приближается к массовой литературе Виктория Токарева, по мере того, как появляется все больше ее раскрашенных книжек. Однако и Петрушевская, и в меньшей степени Улицкая тяготеют к тому, что характерно для русского постмодерна и что попросту называется чернухой. Чтение Петрушевской при всей силе ее таланта подвигает если не к тому, чтобы повеситься, то явно к тому, чтобы перестать читать вообще. Теперь о том, что по прямой линии идет от советских «деревенщиков» и что превратилось в основном в литературу националистическую. Я убежден, что в данном случае идеология накладывает жесточайший отпечаток на литературное творчество. Приведу лишь два примера, хотя их немало. Блистательно начавший Василий Белов, который мог бы в нашем веке претендовать на то, что было сделано Достоевским. После романа «Все впереди» стало ясно, что как писатель он кончился. Эдуард Лимонов — автор великолепного романа «Это я — Элишка», сегодня писатель военно-революционной темы и весьма посредственный. Если Господь решил отнять у человека талант, надо было сильно перед ним провиниться...

— Когда-то вы говорили, что хотели бы попробовать перенести на русскую почву кое-какие жанровые образцы западной прозы.

— Так и произошло. Я освоил и западный триллер, и антиутопию, и постмодернистский роман в его западном понимании. Все мое сочинительство — своего рода «мичуринство», выведение гибрида чайника со слоном или груши с вербой. При этом я стремился привить на западное коммерческое отношение к сюжету, к героям и романтический взгляд на жизнь, на любовь, на мужской характер, и технику нашей «исповедальной прозы», а точнее, хорошей прозы 60–70-х годов, скажем, Аксенова или Трифонова.

— В связи с приближением нового века не хотели бы написать что-либо футурологическое?

— После выхода «Невозвращенца» я дал себе зарок никогда не писать его продолжение, так как успех повторить невозможно. И вдруг не так давно получил заказ от молодых ребят из «Клуба-2015», готовивших большой проект о России будущего. Я тогда был занят новым романом, но предложение показалось заманчивым, и я решил рискнуть. Повесть называется «Приговоренный», ибо суть ее в том, что в итоге выясняется, что герой внутренне приговорен всегда возвращаться в свою страну.

— Подобная «приговоренность», как представляется, есть и ваша собственная судьба?

— Естественно, если до пятидесяти шести лет я нигде не уехал, значит, не уеду никогда.